

УДК 58
ББК 28.5
М23

La tribú degli alberi
Stefano Mancuso

© 2022 Stefano Mancuso

© 2022 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

Publicato in accordo con S&P Literary — Agenzia letteraria Sosia e Pistoia

Манкузо, Стефано.

М23   Племя деревьев. О чем говорят корни и кроны / Стефано Манкузо ; [перевод с итальянского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 240 с. — (Удовольствие от науки).

ISBN 978-5-04-188170-2

В Эдревии живут и объединяются в кланы сотни деревьев. Среди них есть мудрые Летописцы, они серьезны и добросовестны, хранят тысячи разных историй и никто не знает больше, чем они. Есть высокие грозные Гурры и неутомимые Крепкоспины. Фотосинтез и передача информации, извлечение питательных веществ из атмосферы и почвы — всем этим жители Эдревии занимаются сотни лет.

Никто вам не расскажет их историю — захватывающую и тысячулетнюю — лучше, чем Стефано Манкузо, итальянский нейробиолог, автор бестселлера «О чем думают растения».

УДК 58
ББК 28.5

ISBN 978-5-04-188170-2

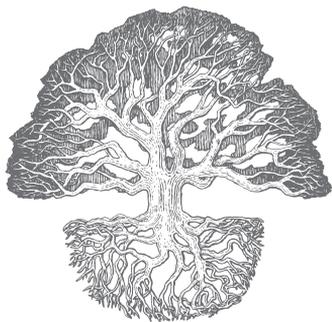
© Карманова Е.В., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Долгая жизнь	7
Глава 2. Я никогда не знал, кем были мои мать и отец	17
Глава 3. На следующий день я стал Летописцем	47
Глава 4. Памятный праздник	61
Глава 5. Библиотека-лабиринт	91
Глава 6. Вершины Гурров	107
Глава 7. Добраться до входа оказалось несложно	137
Глава 8. Летописи и данные	153
Глава 9. Великое смятение	183
Глава 10. Теперь, когда все решилось	217

ГЛАВА 1
ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

Долгая жизнь — не всегда благословение. В моем случае не могу сказать однозначно, так это или нет. Конечно, прошло много времени с тех пор. Мои близкие, друзья и товарищи, с которыми я так долго делил эту жизнь, покинули меня, оставив одиноким, как никогда раньше. Это нелегко.

Я не любил одиночества в молодости, когда моя сила была огромна, и ничто над землей или под землей не могло меня испугать. И уж тем более не люблю его сегодня, когда достаточно слабого веяния мерзкого холодного ветра с гор, чтобы заставить меня вздрогнуть. Некоторые из моих товарищей, напротив, предпочитали уединение, даже стремились к нему, переходя жить в далекие и недоступные места. И вот теперь, когда со мной остались лишь Пино, Красноцвет, Лизетта и еще несколько друзей, я еще больше ценю их общество.

Было время, когда ничто из происходящего в Эдревии не оставалось для нас неизвестным. Будь то надвигающаяся опасность или соседские сплетни — не было случая, чтобы это ускользнуло от нашего внимания. Мы знали все о своем племени, а племя — о нас. Те, кто наблюдал со стороны, не понимали, как у нас получается это выносить, как нам удается жить, сохраняя открытость к чужому мнению. Они не могли понять, что значит быть

ПЛЕМЯ ДЕРЕВЬЕВ

частью племени: у нас не было стыда — мы попросту не знали, что это такое. Никто, ни молодой, ни старый, никогда не делал ничего во зло товарищам. Мы были едины, как части одного тела, — а телу не стыдно за то, что делают конечности.

Попробуйте представить, каково это — разделять со всеми боль и удовольствие, голод и изобилие, тревогу и спокойствие. А теперь представьте, что это необыкновенное состояние длится все ваше существование. Теперь вы понимаете, почему мои спутники были моей силой? И почему сейчас, когда нас осталось так мало, они — моя единственная настоящая радость?

Я родился много лет назад — так много, что теперь даже друзья считают меня очень старым, — и каждое событие, даже самое незначительное, оставило след на моем теле. На мне, как и на всех моих спутниках, времена года оставляют неизгладимые следы: годы изобилия и годы трудностей, дружбы, любви, болезней, борьбы, счастливых моментов и тяжелых перемен. Все написано на нас, и это легко прочесть.

Поэтому сейчас, чувствуя себя неуверенно и беспокояно, ощущая, что времена года сменяют друг друга так же быстро, как утекали часы в детстве, я решил более не испытывать судьбу, раз и навсегда запечатлеть историю нашего сообщества, пока время не стерло ее.

Долгое время, когда я был сильнее и моложе, я считал себя бессмертным и смотрел на тех, кто проходил мимо, с глубоким состраданием. Я последним видел многих, кого уже нет. Но в конце концов, мало или много лет — какая разница? Не вечность, и только это имеет значение...

Но я блуждаю, как воздушный шар, увлекаемый дуновением ветра, по незримым тропинкам памяти, вместо того чтобы сделать подробную летопись. Это обещание я дал себе и постараюсь сдержать.

Итак, вот мой рассказ.

Я родился в мае много лет назад, в очень счастливое для общины время. Еды было вдоволь, погода стояла теплая, и товарищи процветали, не беспокоясь ни о чем на свете. Малыши играли в зарослях, взрослые, радуясь благословенному времени года, болтали, разыскивая воду и прочие ресурсы на склоне холма. Даже старики разделяли безмятежность того мая, занимаясь тем, что у них получается лучше всего: собирая информацию со всех уголков нашего огромного сообщества и отправляя ее заинтересованным товарищам. Это, безусловно, самая деликатная задача для всех кланов; она требует многовекового опыта, железной памяти, нужных связей и великой рассудительности. Об этом всегда заботились старейшины, назначенные Примулом. Он единственный, кто может, если возникнет необходимость, одновременно общаться с каждым членом сообщества без исключения.

Когда я родился, Примулом Эдревии был Юэн, известный как Мудрый Отец. Если вам кажется, что это прозвище звучит несколько напыщенно, знайте, что он сам выбрал его — такова одна из привилегий *Примулов*, — и не без скандала. Тысячелетиями наши трезвые и достойные мудрецы были известны только под именем Примул. (Не как часть династии, будто в королевских домах: «Примул» подразумевает, что он *primus inter pares*, то есть первый среди равных. Он не обладал особой властью над

ПЛЕМЯ ДЕРЕВЬЕВ

другими членами племени, а лишь направлял их, когда необходимо.) До тех пор пока, задолго до моего рождения, действовавший глава не стал таким Примулом Безумным, первым среди одурманенных титулом, которого сразила неизвестная болезнь — по крайней мере, так гласили слухи, — полностью лишившая его рассудка. Но до этого он несколько лет вел себя мудро.

А после стал так чудить, что пришлось найти помощника, вроде как исполняющего обязанности, — иначе он не справлялся со своей ролью. Такого еще не случилось, и кто-то решил, что нужно помнить об этом, и добавил к прозвищу Одурманенный титул «единственный». Единственный Одурманенный Примул в нашей истории: чтобы вы понимали, своего рода напоминание, чтобы подобное никогда не повторилось.

Но когда много лет спустя Юэн сам стал Примулом, он сослался на это исключение, утверждая: ввиду того, что произошло с Одурманенным, Примул может называть себя так, как ему заблагорассудится. Этот аргумент никому не был важен — традиции не имеют для нас большого значения, — Примула всегда называли Примулом из удобства, а не по обычаю. Так что если Юэну захотелось назвать себя как-то иначе, зачем его останавливать? Конечно, никто не ожидал, что он выберет имя Мудрый Отец, демонстрируя отсутствие чувства юмора. Но к тому времени изменения уже произошли. Почему он выбрал такое прозвание, мы не смогли понять. Некоторые говорили, что из-за созвучия со Святым Отцом, но многие не были уверены. Конечно, Юэн всегда относился к своим обязанностям с ответственностью, но не настолько, чтобы сравнивать себя с Папой Римским.

Племя долго обсуждало этот вопрос, и в конце концов было решено, что Юэн решил назваться Мудрым, вероятно, из-за своего возраста, а отцом — потому что хвастался тем, что у него тысячи детей, разбросанных по всему миру. Но кто его знает.

Как бы то ни было, именно Мудрый Отец принял меня в общину и дал имя, под которым меня знают теперь.

Кстати, забыл представиться: я Лорин, Малютка. Лорин — фамильное имя; в нашей истории было много выдающихся его носителей, которых до сих пор вспоминают с почтением. Когда Юэн после тщательного изучения выбрал его для меня, многие увидели в этом знак судьбы. Однако Лорин я или нет, для многих товарищей я всегда оставался Малюткой. Отчасти чтобы отличать от Лорина Старшего, одного из самых уважаемых членов сообщества, отчасти — в качестве сомнительной и довольно наивной шутки: когда кому-то дают прозвище, противоположное его сущности. Короче говоря, мое имя — оксюморон, чтобы вы понимали, какие глубокие классические исследования ведутся в племени. Я настоящий великан, поэтому им нравилось. Я рос не по дням, а по часам, буквально на глазах становясь все выше и выше. Такого еще не бывало не только в моей семье, но и во всей общине. Рост был настолько бурным, что многие шокированные сверстники поначалу сомневались, что я действительно один из них. Все знали, что Лорины — моя семья — маленькие, а я резко выделялся на их фоне.

Это, конечно, мало что значило. Среди нас были всякие: маленькие и большие, молодые и старые, здоровые и больные. Как я уже говорил, племя — как мир. Но я был

ПЛЕМЯ ДЕРЕВЬЕВ

не только высоким — я был огромным. Некоторых товарищей пугали мои размеры. Они думали — и я на их месте думал бы так же, — что стоит ненадолго отвлечься, и этот верзила натворит неизвестно каких бед. Поэтому поначалу мое появление встретили сдержанно, без особой радости, сопровождающей такие события. Но среди товарищей сдержанность никогда не длилась долго: любопытство в отношении новичка всегда намного сильнее подозрительности, и в конце концов я оказался полноправным членом оживленной сети отношений сообщества.

Эти годы я, вслед за лелеявшими память о них, мог бы сегодня назвать временем счастья — если бы не один пустяк, так, рябь на спокойном море детства, недостаток в раю. Имя этой ряби было старый Джин. Дряхлое, длинное, сухое существо вечно нездорового желтоватого цвета, будь то лето или зима. Нрав его соответствовал внешности. Многие годы старый Джин и слышать не хотел о том, чтобы принять меня в племя.

С тех пор как он впервые увидел меня, новорожденно-го, и долгие последующие годы, когда ему нужно было что-то сообщить мне, он вел себя настолько холодно, недоверчиво, отстраненно, что остальные находили это оскорбительным.

Поначалу жить с этим было нелегко. В такой общине, как Эдревия, подобное поведение немислимо и недопустимо. Сам Мудрый Отец несколько раз вмешивался, чтобы заставить Джина быть повежливее. Товарищи тоже приложили немало усилий, каждый в меру возможностей, пытаясь убедить его: мой размер не представляет опасности. К сожалению, безрезультатно.

В каждой группе всегда найдется тот, кто выделяется, и в нашей общине таким был старик Джин. Упрямый и скупой, как никто другой, и совершенно не способный сопереживать товарищам. Нужно сказать, что мы, юные деревца, ничего не делали для улучшения ситуации. Напротив. Такой старик, как вы понимаете, служил источником непреодолимого веселья. Годами мы делали его жизнь невыносимой. Особенно летом, когда солнце палило вовсю, а морской бриз высушивал нас, как рыбу, Джин был нашим любимым местом отдыха.

В его тени мы располагались, изможденные и потные.

«Джин, будь добр, принеси воды».

«А мне — еще и что-нибудь поесть».

«Джин, расскажи нам, каков мир за пределами Эдревии».

Нам нравилось донимать его вопросами, от которых он не мог отвертеться. Как член общины, он был обязан слушать наши вопросы, если они разумны — как на тему еды и питья. Бедняга Джин, как же он страдал. Он делал все, что мог, и мы должны были ценить его, но усилия, приложенные ради исполнения наших желаний, были настолько очевидны, что среди нас, привыкших делиться всем, не спрашивая, он казался грубым и неотесанным.

Некоторые говорили, что даже после десятилетий совместной жизни он так и не стал до конца полноценным членом общины. Но я знал, что это всего лишь слухи: стать-то он стал, просто что-то от прежней жизни не давало ему освободиться от оков. В отличие от нас, он не родился в Эдревии, а пришел в общину уже взрослым. Но это не единичный случай, было много товарищей, не рожденных в племени.

ПЛЕМЯ ДЕРЕВЬЕВ

По правде говоря, мы никогда не знали, откуда мы родом. Единственным условием для вступления в общину было желание. Больше ничего. С незапамятных времен это всегда было нашей сильной стороной: хочешь присоединиться к нам? Мы примем тебя с распростертыми объятиями: чем больше, тем лучше. Никаких требований, никаких ограничений. Присоединяйся к нам — и станешь таким же, как мы.

Что же до особой неприязни, которую испытывал ко мне старый Джин, то я давно простил его. Никто из товарищей никогда не был так велик, как я, и он, должно быть, считал, что я намерен затмить его.

Сегодня я его прекрасно понимаю. В старости немощь заставляет защищаться, но в те годы общение с упрямым и злобным стариком было единственной тенью на откровенно счастливом детстве.

ГЛАВА 2

Я НИКОГДА НЕ ЗНАЛ, КЕМ БЫЛИ МОИ МАТЬ И ОТЕЦ

